

Сергей Троицкий

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ СМЕХА

Головні тенденції розвитку сміху (естетизація, етизація, психологізація та ін.), які вирізняються в спеціалізованій літературі, відповідають певним науковим дискурсам. Згідно цим професійним дискурсам, сміх сприймається як додатковий елемент, такий, який слугує певні меті.

Ключові слова: сміх, сміх в науковому дискурсі, тенденції сміхознавства. *В літературі о смехе можно выделить основные тенденции его рассмотрения (эстетизация, этизация, психологизация и др), которые соответствуют определенным научным дискурсам. В соответствии с этими профессиональными дискурсами смех воспринимается как элемент дополнительный для какой-то определенной цели.*

Ключевые слова: смех, смех в научном дискурсе, тенденции в смеховедении

The literature of the laughter is possible to allocate the basic tendencies of its consideration (aesthetisation, ethisation, psychologization, etc.), which correspond to a given scientific discourses. In accordance with these professional discourses of laughter is perceived as an element of additional for any particular purpose.

Keywords: laughter, laughter in the scientific discourse, tendencies of the scientific studying of the laughter.

Несмотря на большую литературу по теории комического, тема смеха не является полностью исчерпанной. Происходящие изменения культурного и социально-политического пространства, новые результаты исследований в области истории, литературоведения, психологии, политологии, культурологии создают необходимость постоянного философского осмысления культурной ситуации. При этом смех как явление, онтологически укорененное в человеческой культуре, обращает на себя самое пристальное внимание исследователей. Он служит предметом научного исследования в литературоведении, психологии, медицине, эстетике. При детальном анализе оказывается, что приписываемые обычно этическая, эстетическая, обучающая и другие характеристики смеха по существу дела относятся не столько к нему, сколько к его причинам. Только исследуя смех во всех проявлениях (от ритуального хохота до конформного подхихикивания) можно выделить характеристики, присущие смеху как таковому. Функции, которые приписываются смеху, являются наиболее точным катализатором тех идеологических предпосылок, в рамках которых мыслит тот или иной исследователь. Важным является выявление этих предпосылок для

преодоления сложившихся стереотипов в отношении смеха и построения более или менее адекватной теоретической основы для его изучения. К сожалению, стереотипы в отношении смеха настолько сильны, что многие исследования находятся у них в плену, при этом набор этих стереотипов настолько ограничен, что можно выделить несколько основных групп гелологических теорий, встречающихся на протяжении всей истории его изучения.

С самого начала смех рассматривался не сам по себе, а вместе с его причинами, поэтому толкование причины распространялось и на трактовку смеха. Отсутствие положительного содержания у смеха позволяет приписывать ему любое содержание, что и происходило постоянно на протяжении всей истории смеховедения в подавляющем большинстве текстов. Исследовательская позиция автора определяет то, как трактуется смех, считается ли он объективным явлением, относящимся к некоему идеальному миру, приписываются ли ему трансцендентальные характеристики, или же смех находит свою причину в человеческой природе, являясь нашим субъективным переживанием и, следовательно, как крайний вариант, не может иметь никаких объективных характеристик. Таким образом, выделяются первые две тенденции рассмотрения смеха: субъективистская и объективистская. Такие противоположные подходы, в принципе, исчерпывают всю литературу о смехе, а любое сочинение может быть отнесено либо к объективистским, либо к субъективистским. Однако в рамках этих двух направлений рассмотрения смеха можно отметить несколько более частных вариантов, которые позволяют нам выделить основные теоретические группы: этическая, эстетическая, медицинско-физиологическая, психологическая, интеллектуалистская, культурологическая. Эти группы сформированы на основании исследовательских позиций, с которых и было произведено исследование, а учитывая влияние их на дальнейшее развитие учения о смехе, можно говорить о формировании определенных исследовательских тенденций, формирующих целый ряд стереотипов, принимаемых, как правило, на веру современными авторами.

Первые классические известные нам труды античных философов, где упоминается смех, положили начало философскому его рассмотрению и, хотя они посвящены другим проблемам, смех находит в них место в рамках задаваемого подхода. Культурная ситуация античности задается господством мифологического сознания, в рамках которого и формируются две основные тенденции: эстетизация смеха и этизация смеха. Первая связана с соотношением смеха с эстетическим, а второе – с этическим идеалом.

Эстетические теории исходят из того, что смех – это результат действия комического, соотнесения прекрасного (возвышенного) и безобразного. Построение эстетической теории, становление эстетики как системы знаний о бытии, фактически либо включенных в онтологию, либо ее заменяющих, обеспечивало смеху место в этой системе. При **эстетизировании смеха** в нем не усматривается самостоятельной ценности, он считается дополнением комического, т. е. отрицается сама возможность существования смеха вне этой категории. Наличие эстетического идеала, категории прекрасного, предполагает постоянное его отсутствие в реальности, т. е. онтологически укорененное постоянное несоответствие ему, сопровождаемое смехом. И у Платона, и у Аристотеля, фактически задавшими тенденцию эстетизирования смеха, смех соотнесен с безобразным. Смех, по Платону, возникает, когда появляется причина – ложная красота или ложная мудрость, которая не причиняет вреда. Связь страдания и удовольствия приводит Платона (диалог «Пир») к утверждению неразрывности комического и трагического. Связь комического и трагического была зафиксирована и в факте появления пародии. В отличие от Платона, который предполагал наличие безобразного как издержки человеческой природы, Аристотель видел в комическом объективную категорию, не познаваемую вне произведения искусства или литературы. Комедия, как и трагедия, это подражание или отражение современности, однако, в отличие от трагедии, комедия предпочитает изображать худших, чем современники, людей «в смешном виде». Именно обращение к нарушению нормы и позволяет комедии быть причиной смеха. Он как реакция на смешное является показателем того, что смешное предъясвляет зрителю нечто «низкое» (хтоническое). «Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска» [1, с. 29]. Связь комического с безобразным позволила поздним исследователям продолжить эстетизировать смех, выстроив противоположность прекрасного и безобразного как неких эстетических понятий. Но комедия появляется одновременно с трагедией, Аристотель приписывает и то и другое Гомеру [1, с. 28], комедия является постоянным спутником трагедии, строится по похожим канонам. По всей видимости, несет в себе нечто большее, нежели просто высмеивание недостатков, уродства и безобразия.

Другим направлением в рассмотрении смеха стала его **этизация**, приписывание ему свойств орудия этики. Этические теории смеха предполагают, что смех является катализатором морали. В случае нарушения морали прорывается смех. Смех учит добру, содержит в себе морально положительный заряд. Все античные авторы предполагали

внутреннюю цензуру у тех, кто производит смешное. Смешным *необходимо* делать безобразие и уродство, например, личные недостатки человека, хотя уже Цицерон считал, что такие связанные с хтоническим явления, как преступление и нищета, не могут быть поводом для остроумия и смеха [29]. Отличие комического от просто смешного заметил Квинтилиан. «Смеются не только над тем, что остроумно, но также над глупостью, трусостью и невоздержанностью» [16, с. 8]. Таким образом, была произведена попытка выделить два вида смеха: достойный (высокий) и недостойный (низкий). Однако это разделение касается не сущности смеха, а, скорее, его причины, поскольку и в том, и в другом случае смех остается смехом. Такая этизация смеха нашла позже целый ряд своих последователей, хотя у Квинтилиана она не касается самой сущности смеха. Тенденция этизации смеха особенно усилилась в ситуации господства христианского панэтизма. Этизация смеха оказалась наиболее распространенной исследовательской стратегией на протяжении долгого времени вплоть до сегодняшнего момента. В Новое время Гоббс пытался связать смех с этической причиной, хотя и проявляющейся через человека. По мнению Гоббса, смех связан с внезапным приступом тщеславия, возникшего «в нас под влиянием неожиданного представления о каких-нибудь наших личных преимуществах и сравнения последних со слабостями, которые мы замечаем в данный момент в других людях, или которые нам самим были свойственны в прежнее время» [7, с. 547]. Смех – это проявление человеческой страсти, хотя, конечно, замкнутой на Другого, соотнесение себя с которым, и возникающее вследствие этого чувство собственного превосходства¹, становятся причиной смеха. В случае же отсутствия этического превосходства смех не возникнет.

Даже авторитетнейшие, вышедшие в последнее время, гелологические исследования оказались подвержены влиянию указанных тенденций. Эстетизированию смех подвергается в работах М. Т. Рюминой [23; 24; 25], а этизации – в сборнике статей Л. В. Карасева [13]. В результате авторы исследуют смех, используя традиционные для отечественной науки оценки и методы, приписывающие смеху этические или эстетические характеристики.

Проявившийся в эпоху Возрождения способ ухода от христианского панэтизма через обращение к медицинскому (физиологическому) дискурсу с целью достижения объективного (позднее, позитивного) знания был попыткой увязать объективистскую и субъективистскую модели науки. Например, в XVI веке учитель Франсуа Рабле по медицинскому факультету врач Жубер из Монпелье опубликовал «Трактат

о смехе» и книгу «Моральные причины смеха»². **Медико-физиологический** подход особенно характерен для эмпирического естествознания Нового времени. Стремился объяснить смех с помощью физиологии, например, Декарт. По его мнению, смех возникает, когда кровь «внезапно наполняет легкие и заставляет воздух, содержащийся в них, несколько раз сжиматься; этот воздух стремительно выходит через горло, где производит нечленораздельный сильный звук; легкие наполняются воздухом, и он выходит, затрагивая все мышцы диафрагмы, груди, горла, благодаря чему приходят в движение мышцы лица, связанные с ними. Это движение лица с нечленораздельными сильными звуками и называется смехом» [8, с. 533]. Внезапность смеха не объяснена, правда, Декарт предполагает, что для такого движения крови есть лишь две причины: сопряженное с радостью внезапное удивление, способное резко открыть «отверстия сердца», и «легкое волнение ненависти, усиленное удивлением», которое и позволяет легкой крови из селезенки разжижиться еще и, увеличившись в количестве за счет смешения с кровью из других участков тела, наполнить легкие. Однако в теории Декарта сложившаяся этическая тенденция рассмотрения смеха не была преодолена. Смех, по мысли Картезия, может относиться только к людям, достойным зла, при условии, если это зло произошло. Поскольку мы осознаем, что все происходит, как должно, возникает выливающаяся в смех радость [8, с. 509]. При этом мы понимаем, что зло не может нам навредить [8, с. 534]. Радость должна быть обязательно не сильной, а разбавленной, поскольку при большой радости легкие всегда заполнены [8, с. 533]. Со смехом связана легкая, разжиженная, подвижная кровь (грубая – связана с печалью). Когда в человеке, достойном зла (порицания), оказывается незначительное зло (недостаток, например), он становится предметом насмешки. Насмешка – это вид радости, смешанный с ненавистью. Насмешка – намеренное вызывание смеха над «отрицательным» человеком. Однако, насмешка – радость, направленная на то, чтобы возвысить себя за счет других и поэтому самыми большими насмешниками являются «те, кто обладает наиболее явными недостатками, например хромые, кривые, горбатые, или те, кто опозорен» [8, с. 559]. А они стремятся всеми правдами и неправдами приписать даже несуществующий недостаток другим людям, поэтому насмешку Декарт называет страстью. В отличие от нее, шутка, лишняя элемента осмеяния, является всего лишь показателем веселости и допустима в поведении, однако прилично смеяться лишь чужой шутке, а при своей – оставаться абсолютно серьезным. Шутка – «определенное свойство порядочного человека, в котором проявляется веселость его нрава и

спокойствие его души, признак добродетели» [8, с. 559]. Продолжением и развитием медицинского подхода стала теория Канта, согласно которой смех напрямую связан с чувством удовольствия, а удовольствия покоятся «на чувстве или на ожидании возможного хорошего или плохого самочувствия» [12, с. 469]. Любая свободная игра ощущений приносит удовольствие (нравится в ощущении), «поскольку усиливает чувство здоровья» [12, с. 469]³. Кант продолжает медицинский дискурс, однако, выводит его на иной, новый уровень, открывающий психологическое измерение. «Повышенная жизнедеятельность тела, аффект, который приводит в движение внутренние органы и диафрагму, одним словом, чувство здоровья составляет удовольствие, заключающееся в том, что к телу можно подступиться и через душу и что душу можно использовать для врачевания тела» [12, с. 471]. По мнению Канта, смех вовсе не несет никакой познавательной функции, наоборот, главным является всего лишь движение внутренних органов, соответствующее игре мыслей (идей). Посредством смеха ничего не мыслится, его основная задача – доставлять удовольствие от сменяющихся представлений рассудка. В любом случае, в отличие от прекрасных искусств, игра мыслей (приятное искусство) как источник смеха имеет телесный характер, несмотря на то, что создается идеями души. «В шутке игра начинается с мыслей; в своей совокупности, стремясь найти для себя чувственное выражение, они занимают и тело; а так как участие рассудка, который не нашел в изображении ожидаемого, внезапно ослабевает, то действие этого ослабления ощущается в теле через вибрацию органов, которая содействует восстановлению их равновесия и благотворно влияет на здоровье» [12, с. 471]. Отсюда, определение смеха, данное Кантом: «Смех – это аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто» [12, с. 471]⁴. Причина смеха всегда содержит в себе нечто, обманывающее наши ожидания. Этот обман и является причиной смеха, поскольку «мы еще некоторое время перебрасываем свой собственный промах, пытаясь поймать, впрочем, безразличный нам предмет или, вернее, идею, за которой мы следовали, между тем как мы стремимся лишь схватить и удержать его» [12, с. 473], однако обман уже произошел. Полученный душевный настрой вдруг внезапно ломается, исчезает, превращается в ничто, а вовсе «не в позитивную противоположность ожидаемого предмета». Удовольствие от смеха носит чисто физиологический характер. Центром смеха, в отличие от Декарта, являются, по Канту, эластичные части внутренних органов, которые

передают расслабление и напряжение, сменяющие друг друга, диафрагме, отчего происходит движение воздуха, ведущее к здоровью.

Новоевропейская ориентация на разум порождает новую модель, выразившуюся в полной мере уже в проекте Просвещения – **интеллектуалистскую**, в соответствии с которой смеху приписывалась разумность, в рамках ее возникает тенденция приписывания смеху разумности. Интеллектуалистские теории исходят из того, что предполагают смех в качестве результата интеллектуальных усилий индивида, а смех возникает всегда сознательно. Эти теории практически абсолютно игнорируют аффективную природу смеха. Черты интеллектуалистского подхода можно заметить уже у Декарта, в соответствии с учением которого смех возможен только при участии разума. Кант, работавший в рамках идеологии Просвещения, также был подвержен влиянию интеллектуалистской тенденции рассмотрения смеха. Причиной смеха по Канту служит стремление тела к удовольствию (здоровью). Однако, тело, конечно же, не самодостаточно, оно зависит от душевных движений, поэтому получается, что источником смешного все-таки в конечном итоге являются мысли, причем, мысли определенного строя, пустые, ничтожные. Зачастую интеллектуалистский подход дополняется этизацией. Сюда же примыкают прагматические и утилитаристские теории, а также учение об обучающей функции смеха. В частности, прагматизм выразился в заметках Ж.-Ж. Руссо о театре и комедии, где автор выступил против организации театра в Женеве, поскольку в основе театрального действия лежит удовольствие, а не польза. Комедия же вообще вредна, ибо обращена назад, высмеивает недостатки, которые уже отвергнуты [22, с. 65–177]. Похожие замечания о комическом мы находим и у Маркса. Они определили направление развития практически всей советской гелологической литературы, которой свойственно линейное однонаправленное восприятие истории и исторических процессов, использование элементов исторического и диалектического материализма. Смех здесь выступает как некий носитель и знак передового мышления, возникающий только над устаревшим, а значит, «испорченным», отставшим от исторического процесса. Вся теория комического у самого Маркса сводится к небольшому отрывку: «История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия» [18, с. 418]. Этот отрывок включен в контекст описания упадка немецкого режима, который борется с новым миропорядком, хотя сам является «анахронизмом», в этом его комичность. Приведенный отрывок берется в советском теоретизировании в качестве

наброска философии комического Маркса, хотя, по всей видимости, является всего лишь некой метафорой, образным выражением. Слово «комизм» здесь выступает в качестве оборота речи, оно лишено той философской нагрузки, благодаря которой оно могло бы считаться понятием. Несмотря на это, советские авторы делают из этого литературного приема некую философию, придают ему смысл, которого в нем не могло быть, поскольку в данном случае, это вовсе не вывод, а всего лишь иллюстрация. На основе высказывания Маркса возникает целый спор, в котором происходит выяснение того, в чем же Маркс видел объективность комизма. Авторы сходятся в том, что она существует и заключается в знании. В историческом процессе комизм оказывается последним фазисом гибели старого мира (первым фазисом является трагедия), различными соотношениями трагедии и комедии выступают разные промежуточные фазисы. Сюда же, по мнению советских авторов, относится и знаменитая фраза «Человечество весело расставалось со своим прошлым» [18, с. 419]. Главным критерием комического является знание нового. Борьба знания с заблуждением, проходящая в несколько этапов сводится к переходу трагического в комическое. Однако необходимо учитывать при анализе этой концепции, что знание нового в данном случае выступает как знание следующего этапа развития. Вся суть нового вписана в прогрессивную (основанную на прогрессе) однонаправленную линейно-векторную марксистскую философию истории. В качестве носителей знания у разных советских авторов выступали разные сущности – большинство (народ) [32], бунтари, являющиеся разрушителями старого миропорядка [19] и прогрессивные мыслители, знающие идеал, эталон [6]. Смех в этой концепции оказывается настолько вписанным в жесткие рамки каузальных рациональных схем мышления, что либо перестает быть смехом, либо описание оказывается не верным. Советские авторы [4; 5; 11; 15; 17; 19; 31; 32 и др.] пытались работать в рамках материалистической парадигмы. Общим местом стало цитирование и комментирование фразы Н. Г. Чернышевского: «Комическое есть внутренняя пустота и ничтожность, прикрываемая внешностью, имеющей притязание на содержание и реальное значение» [30, с. 40]. Это противоречие и вызывает смех напрямую [4], или причиной смеха может стать, когда в противоречии одна из сторон переходит «меру» [19]. Общим в советской литературе первой половины XX в. является утверждение, что смех учит. При этом постулируется объективность предмета смеха, отрицается роль индивидуального сознания. Предполагается рациональная природа смеха,

существование некой внутренней цензуры, позволяющей (связанной именно с волевым решением) смеяться только над тем, что является общественно «непригодным». Во второй половине XX в., исследователи критикуют концепцию «обучающего смеха». «Подлинный смех стоит не в начале исканий истины, а в конце. [...] Смех – не орудие, которым добывают истину, он – оружие, которым добывают заблуждение» [19, с. 38–39]. Критерием комического служит знание объективной истины, являющееся фактором общественного бытия. С помощью этого знания образуется комическое противоречие – «заблуждение приобретает комизм «благодаря» упорствованию и, наоборот, снимает с себя комизм, как только перестает упрямиться» [19, с. 39]. Интеллектуалистский подход был настолько распространен, что даже представители, казалось бы, противоположного философского направления в своих работах высказывали идеи, соответствующие этой тенденции. Так, по мнению А. Бергсона, комическое обращается к разуму, но «разум, к которому обращается комическое должен находиться в общении с разумом других людей» [3, с. 12], поскольку «наш смех – это всегда смех той или иной группы» [3, с. 13]. По мнению Бергсона, смех несет в себе главную функцию – исправление общества через оскорбление, которым оказывается все, что вызывает смех. «На это оскорбление общество отвечает смехом. Смех с этой точки зрения не имеет в себе ничего доброжелательного. Он чаще всего есть плата злом за зло» [10, с. 26].

К медицинско-физиологическому дискурсу примыкает позитивистская тенденция **психологизации** смеха. Теории, выстроенные в соответствии с этой тенденцией, пытаются избавиться от физиологической метафоричности, но попадают в плен к физической. Основным понятием для объяснения смеха становится «энергия». Психологические теории берут за основу предположение о психической энергии и рассматривают смех как «освоение» или освобождение накопившейся энергии. В принципе, это развитие позитивистского подхода: смех происходит вследствие экономии нервной энергии и стремится освободить ее избыток, появившийся от резкой смены состояний сознания от наиболее затратного к более экономичному. Начало психологизации смеха было положено, по всей видимости, Г. Спенсером. «Смех естественно является только тогда, когда сознание неожиданно обращается от великого к мелкому, – сказав, другими словами, только в случае, который можно было бы назвать нисходящей несообразностью» [27, с. 16]. Речь здесь идет именно о сознании, причем, в теорию вводится понятие «нервной энергии». Великое, по мнению Спенсера, – это то «состояние сознания», которое требует большое

количество нервной энергии, а малое – наоборот, состояние сознания, поглощающее «незначительное состояние нервной энергии». Когда некоторое количество накопленной нервной энергии внезапно освобождается, т. е. тратится меньше предполагаемого, тогда и происходит смех. Теория Спенсера оказала большое влияние на процесс позитивистской психологизации смеха. К теории Спенсера примыкает и работа еще одного автора – Дж. Селли [26]. Он продолжает и уточняет позитивистский взгляд на смех. В силу своей природы смех является взрывом, чем и противоположен ровности [26, с. 10]. Взрыв эмоций происходит каждый раз при освобождении энергии. Введенное Спенсером выражение «нервная энергия» в понятийное поле исследования смеха произвело революцию. В результате мы можем отметить целый ряд исследователей, которые используют это выражение в качестве определяющего и основополагающего, предполагая энергетическую природу смеха. Сюда входят такие авторы как Липпс [34], разработавший теорию «психического затора», лежащий в основе интереса и внимания. «Подмена одной ценности другой пробуждает вследствие своей необычности интерес, сосредотачивает внимание и способствует концентрации «психической энергии» или, говоря иначе, создает «психический затор» [9, с. 21]. «Психическая энергия» копится и пробивает «затор» (находит решение проблемы), но тратится не вся. Избыток ее вызывает смех. Определение смеха Липпса, таким образом, очень близко определению Спенсера, влияние которого заметно и на теории Гефдинга [6], Фрейда [28], Бергсона [3] и др. Но энергетическая теория происхождения смеха оказала влияние на абсолютно далеких от этого направления авторов, так, например, даже в работах о русской смеховой культуре мы находим упоминание о «психической энергии».

Еще один, сравнительно новый, подход к проблеме смеха можно условно назвать **культурологическим**. Основной характерной чертой культурологических теорий можно назвать то, что особое внимание уделяется проблеме «археологии» (М. Фуко) смеха, рассмотрение его в контексте культурной ситуации того или иного периода. Методологической слабостью культурологического подхода является опора на создание моделей культуры, не всегда достаточно продуманных, аргументированных, порою, слишком умозрительных, нуждающихся в обосновании. Основной интерес для культурологических теорий представляют предшествующие состояния культуры как источник происхождения того или иного явления, в данном случае смеха. Исходят они, как правило, из представления о пра-культуре, хотя не всегда это внятно артикулируют, объясняя тем, что смех мы можем найти в самых

архаических пластах культуры, следовательно, он является наименее подвижным с точки зрения динамики исторических процессов. Формирование такого подхода было начато, по всей видимости, немецкими романтиками, благодаря их обращению к народной культуре, как источнику для культурного возрождения, но особое развитие культурологический подход получил в структурализме в Европе XX в. после преодоления давления интеллектуализма Просвещения. В России в эту тенденцию вписываются авторы, стоящие особняком по отношению к марксистской науке, такие как О. М. Фрейдберг, В. Я. Пропп и др. Важной вехой в формировании этой тенденции в России стала книга М. М. Бахтина [2], которая, по словам Л. В. Карасева, «на десятилетия определила собой пафос изучения смеха. Все, что делалось после нее, делалось под ее влиянием, неважно, шла ли речь о развитии и углублении бахтинских идей или же об их критике. Шаги делались либо вперед, либо назад, но все время по одной и той же дороге» [13, с. 8]. Под влияние Бахтина попали такие исследователи смеха, как, например, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, не смогли от него отгородиться и С. С. Аверинцев, и Вяч. В. Иванов. Действительно, его исследование смеховой стороны Средневековья, его методология позволили взглянуть на сам феномен смеха абсолютно по-новому, совершили определенный переворот в науках о культуре.

В современной гелологической литературе проявляются все эти тенденции. Стереотипы в отношении смеха, сформированные на протяжении веков, сохраняют свое влияние на исследователей, хотя научный плюрализм и доля здорового исследовательского цинизма позволяет современным авторам преодолевать давление какой-то одной тенденции и формировать новый эклектический, и потому свободный подход к проблеме смеха, что способствует развитию гелологии, смеховедения.

Примечания

¹ Эту мысль позже развивали Н. Г. Чернышевский [30], А. Бэйн [33], Т. Рибо [21] и др.

² Об этом: [16, с. 18].

³ Подробный анализ гелологической теории Канта сделан А. Г. Козинцевым [14].

⁴ Критику этого определения смеха см. [20, с. 90–93].

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 21–70.

2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса.– М.: Художественная литература, 1965.– 541 с.
3. Бергсон А. Смех.– М.: Искусство, 1992.– 127 с.
4. Боров Ю. Б. О комическом.– М.: Искусство, 1957.– 234 с.
5. Боров Ю. Б. Трагическое и комическое в действительности и в искусстве.– М.: Знание, 1955.– 32 с.
6. Гефдинг Г. Очерки психологии, основанной на опыте.– Спб.: Типография Министерства путей сообщения, 1896.– 389 с.
7. Гоббс Т. Человеческая природа // Гоббс Т. Сочинения в 2 т.– Т. 1.– М.: Мысль, 1989.– С. 507–573.
8. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Сочинения в 2 т.– Т. 1.– М.: Мысль, 1989.– С. 481–572.
9. Дземидок Б. О комическом.– М.: «Прогресс», 1974.– 225 с.
10. Дмитриев А. В. Социология юмора: Очерки.– М.: ОФСПП, 1996.– 214 с.
11. Заславский Д. О фельетоне.– М.: Правда, 1945.– 23 с.
12. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4. Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения».– М.: Наука, 2001.– 1120 с.
13. Карасев Л. В. Философия смеха.– М.: РГГУ, 1996.– 224 с.
14. Козинцев А. Г. Кант и смех // Актуальность Канта.– СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005.– С. 105–114.
15. Лимантов Ф. С. Об эстетической категории комического // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена.– Т. 162, ч. 2.– Л., 1959.– С. 29–71.
16. Лук А. Н. Юмор, остроумие, творчество.– М.: Искусство, 1977.– 184 с.
17. Макарян А. О сатире.– М.: Советский писатель, 1967.– 164 с.
18. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.– Т.1. М.: Политиздат, 1955.– С. 219–368, 414–429.
19. Московский А. П. О природе комического.– Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1968.– 96 с.
20. Орлов Д. У. Смех и ничто // Метафизические исследования. Выпуск 9S (9). La gaya scienza.– СПб.: Алетейя, 1999.– С. 90–100.
21. Рибо Т. Психология чувств.– СПб.: Типография А. А. Пороховщикова, 1898.– 124 с.
22. Руссо Ж.-Ж. Письмо к Д'Аламберу о зрелищах // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. В 3-х тт.– Т. 1.– М.: Гослитиздат, 1961.– С. 65–177.
23. Рюмина М. Т. Тайна смеха, или Эстетика комического.– М.: Знак, 1999.– 249 с.
24. Рюмина М. Т. Эстетика смеха.– М.: Либроком, 2006.– 320 с.
25. Рюмина М. Т. Эстетические проблемы комического. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат философских наук.– М., 1990.
26. Селли Дж. Смех. Его физиология и психология.– Спб.: б.и., 1905.– 96 с.
27. Спенсер Г. Физиология смеха.– Спб.: Типография А. С. Суворина, 1881.– 20 с.

28. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному; Страх; Тотем и табу: Сборник.– Мн.: Попурри, 1999.– С. 3–240.
29. Цицерон. Об ораторе // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве.– М.: Ладомир, 1994.– С. 3–204.
30. Чернышевский Н. Г. Эстетика.– М.: ГИХЛ, 1958.– 376 с.
31. Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбур).– К.: Академия наук УССР, 1958.– 68 с.
32. Эльсберг Я. Вопросы теории сатиры.– М.: Советский писатель, 1957.– 428 с.
33. Bain A. The emotions and the will.– London: Longmans, Green and Co, 1880.– 604 p.
34. Lipps T. Komik und Humor.– Leipzig, 1922.